

Редакционна колегия

проф. дфн Невяна Дончева-Панайотова — отг. редактор

проф. дфн Иван Харалампиев

доц. д-р Пламен Павлов

доц. д-р Росина Данкова

Маргарита Пушкарова — научен секретар

На корицата: *Св. Киприан, митрополит Московски. Икона. 2006 г.*
Художник: *Николай Томов Николов*

Иконата е подарена на Светия Синод на Българската Патриаршия от Международния фонд „Единство на православните народи“

ВЕЛИКОТЪРНОВСКИ УНИВЕРСИТЕТ
„СВ. СВ. КИРИЛ И МЕТОДИЙ“

*Научноизследователски център
„Търновска книжовна школа“*

КИПРИАНОВИ ЧЕТЕНИЯ

600 ГОДИНИ ОТ УСПЕНИЕТО
НА СВ. КИПРИАН, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИ

септември 2006 г.

*Килифаревски манастир „Рождество Богородично“ — София
— Москва*

Университетско издателство „Св. св. Кирил и Методий“
Велико Търново, 2008

КИПРИАНОВИ ЧЕТЕНИЯ

600 години от Успението на св. Киприан, митрополит Московски

септември 2006

Килифаревски манастир — София — Москва

ФОРМОСОЗИДАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ „ПЛЕТЕНИЯ СЛОВЕС“ В СЛАВЯНСКИХ ПАНЕГИРИКАХ КОНЦА XIV — НАЧАЛА XV СТ.

Евгений ДЖИДЖОРА (Одесса, Украина)

В литературоведении о „плетении словес“ традиционно говорят как об особом „экспрессивно-эмоциональном стиле“, распространенном в сербской и болгарской литературе в XIII—XIV вв. и в значительной мере повлиявшем на развитие восточнославянских литератур в период так называемого „второго южнославянского влияния“. Такое понимание проблемы принадлежит, как известно, академику Д. С. Лихачеву, которого в разное время в большей или меньшей степени поддерживали ведущие слависты всего мира.

Вместе с тем, в развитии концепции Д. Лихачева некоторые ученые небезуспешно задались целью конкретизировать определение стиля „плетение словес“ путем выявления его формальных показателей. В этой связи наиболее продуктивными представляются наблюдения авторитетного итальянского медиевиста Риккардо Пиккио, полагающего, что „плетение“ является одним из многочисленных „типов“ изоколических структур, широко применяемых средневековыми книжниками. Опираясь на многолетние исследования, проделанные с коллегами и учениками, специалист склоняется к мысли, что средневековые литературные сочинения славян поддаются „разложению на метрические изоколонны, эквивалентные логическим и синтаксическим единицам“ [4, 636]. Под „изоколоном“ же понимается известная ещё с античных времен риторическая фигура — составление фразы с помощью ряда одинаковых (с равным количеством ударений) сегментов (колонов), или строк, как мы бы сказали сегодня [3, 545]. Иными словами, в условно прозаических произведениях усматривается строгая ритмичность изложения.

Пиккио, вполне обоснованно считающий основными компонентами стиля *ритм* и *синтаксические структуры*, предполагает, что тщательный анализ приемов письма, в котором используется определенная ритмизация, позволит более точно очертить формальные признаки той либо иной разновидности литературного выражения. Исходя из представления о доминирующей роли ритма в стилистике и композиции сочинения в целом, попробуем выявить характерные способы ритмической организации в некоторых панегириках (житиях и похвальных словах), написанных в период активных славяно-балканских связей. Обнаружение общих приемов ритмизации в разных произведениях, но составленных в схожей манере „плетения словес“, продемонстрирует закономерности данной формы риторической выразительности и, очевидно, даст возможность установить некие принципы организации всего изложения.

В рассматриваемых сочинениях сосредоточимся преимущественно на их „пограничных частях“ — предисловиях и похвальных словах. В средневековом произведении эти элементы целого всегда маркированы с помощью всевозможных риторических формул, которыми автор стремится задать нужный ему пафос читательского восприятия. Как следствие, „границы“ панегирика излагаются в форме рассуждения. А, кроме того, именно на „границах“ сочинения, в его „сильных“ местах, книжники применяют наиболее эффектные технологии литературного выражения, в том числе и разнообразные приемы ритмизации.

Уже в античном искусстве ритм признается важной составляющей композиции произведения. Об этом свидетельствуют сохранившиеся трактаты теоретиков (а значит и практиков) музыкального и ораторского мастерства. В одном из них, принадлежащих позднеантичному музыковеду Бакхию, под ритмом понимается „определенный порядок движения“ [цит. по: 1, 107]. Тут ритмизации отведена функция упорядочивания изложения.

В словесном сочинении порядок высказывания обеспечивает сцепление завершенных по смыслу и интонации отрезков текста — простейших (словосочетаний) и более сложных (целых абзацев). В этом отношении „плетение словес“, основанное на повторе лексических и синтаксических единиц, можно считать особым видом упорядочивания литературного высказывания. Его своеобразие состоит во „множественной“ связи, при которой соединяются („сплетаются“) как по два-три, так и по несколько десятков однородных речевых оборотов. Повторы лексем реализуются, прежде всего, в колонне, а повторы синтаксем — в пределах периода (нескольких смежных колонов, объединенных логически), а также — между периодами.

В колонне наряду с другими морфемами чаще всего повторяются корни. Вот как, например, болгарский патриарх Евфимий Тырновский, инициатор языковой реформы и оттого по-особому воспринимаемый в контексте „плетения словес“, воспевает усердие святого в одном из своих многочисленных похвальных слов: „...прилагал тꙋды къ тꙋдомъ и къ желаниꙋ желаниꙋ...“ [цит. по: 4, 642]. Другой болгарин, ученик патриарха Евфимия, киевский митрополит Киприан в Житии архиепископа Петра (далее ЖП) удивляется, что никто пока не рассказал „достойное по достоинствꙋ“ [ЖП, 205] о жизни его предшественника по кафедре. А Епифаний Премудрый, российский книжник, состоящий, по всей видимости, на службе у митрополита Киприана, в Житии Сергия Радонежского (далее — ЖСР) восхищается подвижничеством великого русского игумена, перешедшего „ѿ маловременнаго вѣка в вѣкъ бесконечна, ѿ тла в нетлѣнїе, ѿ силы в силу, и ѿ славы въ славу“ [ЖСР, 160]. Перед описанием деяний Старца Епифаний рассуждает о помощи Бога, который может „мое неразоꙋміе вразоꙋмити, и моеꙋ недоꙋмленїю оꙋменїе подати“ [ЖСР, 8]. Однокоренные слова, в последнем случае даже противопоставленные между собой по смыслу, „удваивают“ выделенную таким образом лексему. Тем самым автор как бы „умножает“ внимание читателя к некоей мысли. При этом „плетение“ приобретает своего рода „тугую“ форму — „вяжутся“ не начала и концы колона, а его ключевые понятия.

Использование однокоренных слов в пределах одного словосочетания приводит, как известно, к тавтологии. Назовем данный вид упорядочивания высказывания *тавтологическим ритмом*.

Кроме корней, в колонне могут повторяться окончания соседних слов (в античной традиции этот прием именуется „гомеотелевтон“). Одинаковое или, по крайней мере, похожее звучание концовок сразу нескольких слов (в особенности, если это не просто существительное и согласованное с ним прилагательное типа „дꙋховнаа словеса“ или „дѣла Божїа“) придает речи мелодичности. В Похвальном слове Евфимию Тырновскому его агиограф болгарин Григорий Цамблак, преемник митрополита Киприана по киевской кафедре и, очевидно, ровесник Епифания Премудрого, предлагает узнавать достойных служителей Церкви, как „ѿрла ѿт пера“. А сам Епифаний Премудрый в ЖСР так свидетельствует о нежелании очевидцев прославить св. Сергия: „Никто же не дрꙋзнаше писати о немъ: ни дальнїи ни ближнїи, ни болшїи ни меньшїи“ [ЖСР, 2]. Два смежных слова с тождественными ассонансными морфемами придают высказыванию афористичности. Само же мелодичное единозвучие можно обозначить *ассонансным ритмом*.

Ассонансный ритм выступает таким способом упорядочивания высказывания, благодаря которому внутри колона возникает оригинальная рифма. Условно понимаемая рифмовка, безусловно, выступает наиболее очевидным признаком „плетенного“ изложения и подтверждением того, что в его основе лежит изоколическая структура.

На это указывает и разнообразие форм рифмовки в анализируемых нами панегириках. Так, наряду с отмеченной тенденцией, не менее распространенной является ситуация, при которой рифмуются соседние колоны. Такой вид соединения возможен благодаря употреблению однородных слов при единой синтаксической связи в периоде.

Перечисляя божественные благодеяния или, скажем, заслуги святого в земной жизни, агиографы сплетают длинные вереницы однотипных конструкций. В ЖСР Епифаний Премудрый так воспевает силу Творца: „...могъѣ даровати слѣп-ымъ прозрѣ-нїе, хром-ымъ хоже-нїе, глух-ымъ слыша-нїе, нѣм-ымъ проглагола-нїе“ [ЖСР, 8; тут и далее выделено мной — Е. Д.]. Словосочетания „вжуются“ сочинительной связью и грамматической формой обоих слов. В итоге, в смежных колонах рифмуются как прилагательные, так и существительные, образуя „сдвоенную“ рифму.

При перечислении однородных словосочетаний «сплетаются» относительно простые (не развернутые) колоны. Однако довольно часто панегиристы составляют периоды из более сложных синтагм, выраженных самостоятельными предложениями. Евфимий Тырновский в Похвальном слове Константину и Елене (далее — ПКиЕ), сравнивая подвиг просвещения народов с ослепительным сиянием света, соединяет такие предложения с помощью глаголов, употребленных в одной грамматической форме: „Оно бѣ въ дни тѣчїа сіа-еть, ношїж же покрѣвено кыва-еть, се же и днїж и ноштию сіа-еть, и всѣхъ къ рѣвности подвиж-еть“ [ПКиЕ, 103]. В данном периоде синтагмы связывают вынесенные в конец инфинитивы с созвучными окончаниями.

Разновидностью рифмовки сложных колонов является „сплетение“ двух самостоятельных предложений, противопоставленных между собой по временному признаку. Такие конструкции присутствуют в сочинениях Григория Цамблака. В Надгробном слове своему учителю митрополиту Киприану (далее — НК) болгарский книжник сравнивает этапы пребывания пастыря с паствой и их разлучения следующим образом: „Тогда радостнаа вѣша, ныне же — рыдателнаа. Тогда веселїа органы начинахом, нынѣ же — плачевныа подвижем“ [НК, 90]. И в другом месте: „Б перофрѣ и виссѣн нѣкогда облачах-ом сѣ, нынѣ же ниши тавла-ем сѣ“ [НК, 98]. В смежных колонах рифмуются однородные слова с одинаковыми

флексиями. Особенность данного построения состоит лишь в том, что тут связываются только две синтагмы — пара противоположных утверждений.

Но, пожалуй, самая распространенная форма соединения колонов в периоде — сочетание единозвучия концовок с „и-связью“. При таком „плетении“ согласуются как начала, так и концы длинного ряда колонов. В ЖСР Епифаний Премудрый передает свои чувства и состояния перед повествованием о жизни св. Сергия так: „Недоуѣмѣнѣмъ погроуѣжа-асѣ, и печалію оскръѣла-асѣ, и оумомъ оудивла-асѣ, и желаніемъ повѣжда-асѣ“ [ЖСР, 3]. Подобным образом в НК Григорий Цамблак описывает встречу верующих с митрополитом Киприаном: „Ноги ѹво влиз града-ахѹ, и ногаи касѣ-ахѹ сѣ, и рѹкѹ целов-ахѹ“ [НК, 88]. Синтагмы соединяются сочинительной связью, показателем которой выступает союз „и“ в начале колонов. Кроме того, все колоны рифмуются между собой, так как в конце каждого из них употребляются глагол в одной и той же грамматической форме.

Примечательно, что панегиристы используют разные виды „и-связи“. Вместе с сочинительным союзом может повторяться какой-нибудь вспомогательный компонент — например, наречие. В ЖСР Епифаний сообщает о том, как искал материал для своего сочинения: „Елика слышахѹ и разѹмехѹ <...> елика ѿ старецѹ слышахѹ, и елика своима ѡчиима видѣхѹ, и елика ѿ самого оустѹ слышахѹ, и елика оувѣдахѹ ѿ иже велѣдѹ его ходившаго <...> и елика дръгаа нѣкаѣ слышахомѹ“ [ЖСР, 4—5]. Конструкция „и елика“, вариант „и-связи“, помогает агиографу передать все обстоятельства, при которых он собирал сведения о подвижнике. Перечислив источники информации, автор вкладывает в „елика“ (т.е. — несколько) значение, с одной стороны, фрагментарности найденного материала, а с другой — его полноты.

А Пахомий Серб, последователь балканских литературных традиций, младший современник Григория Цамблака и Епифания Премудрого, в Житии Кирилла Белозерского (далее — ЖКБ) применяет другой компонент „и-связи“ — предлог. В рассуждении о величии святых книжник приводит такой аргумент: „Но вѣкѣсто телеснаго покоѣ изволиша зѣлныѣ трыды и болѣзни, и вѣкѣсто сна всенощное стоѣние, и вѣкѣсто веселиѣ радостнотворный плачь, и вѣкѣсто человекъскихѹ молвъ выинѹ съ Богомъ вѣкѣдованіе“ [ЖКБ, 52]. Оборот „и вѣкѣсто“ обеспечивает сочинительное соединение в цепи колонов и, в то же время, как и любая другая разновидность „и-связи“, способствует выражению некой полноты излагаемой мысли.

Повторяемый элемент в начале каждого колона — излюбленный прием искусных ораторов, как античных, так и средневековых. В исследуемых нами панегириках анафора („единоначатие“) встречается не только как разновидность „и-связи“ в конструкциях типа „и елика“ либо „и вѣксто“, но и как вполне самостоятельный и, что самое главное, ритмоорганизующий элемент всего периода.

Приводя одно и то же слово в начале каждого колона, книжник выделяет основную мысль фрагмента и, соответственно, заостряет на ней внимание аудитории. Вот как в завершении ЖКБ Пахомий Серб приводит молитвенное прошение к св. Кириллу, в котором перечисляет скорби осиротевшей паствы: „*Требуемъ твоѣа помощи и заступленна, требуемъ же молитвеное къ Богѹ, требуемъ ходатайственое*“. Далее агиограф меняет „вяжущий“ глагол, раскрывая теперь уже причины, по которым верующие ждут покровительства святого: „*Вѣси ко иже на нас козни лукаваго, вѣси ко нашу лѣкность и чныниѣ, вѣси естество наше ѹдобъ попользаемо...*“ [ЖКБ, 164]. С помощью глагольной анафоры Пахомий сначала подчеркивает неотложные нужды паствы, а затем — уверяет ту же паству в том, что подвижник знает обо всех её насущных потребностях. Выходит, в том и другом случае автор обращается на деле к святому, а прикровенно — к аудитории.

Похожие функции выполняет и эпифора („единокончание“). При таком конечном „плетении“ читательское восприятие акцентируется посредством повторения ключевого слова в завершении каждого колона. Скажем, в ЖСР Епифаний объясняет, для чего начал прославление св. Сергия: „*Не сѣвѣк пишоѹ, а запаса ради, и палнати ради, и поазы ради*“ [ЖСР, 2]. В форме эпифоры выступает предлог „ради“, обрамляющий каждый последующий колон в периоде.

Анафорический и *эпифорический* ритмы изложения — способы соединения отдельных синтагм. Данный вид межфразового „плетения“ вводит четкую закономерность в периоде — очередной колон равен предыдущему по наличию выделяемого в нем слова.

Стоит отметить, что панегиристам свойственно задавать анафорический либо эпифорический ритмы как одним словом, так и словосочетанием, выражать как в пределах одного периода, так и в ряду смежных, как чередовать между собой, так и вовсе замещать. В этом отношении виртуозно „плетет“ фразы Епифаний Премудрый в Житии Стефана Пермского (далее — ЖСтП). В „плаче инока“ агиограф сначала горестно замечает, что отсутствовал в последнюю минуту жизни святого и не попрощался с ним вместе со всеми. При этом свою эмоциональность он передает эпифорическим словосочетанием: „*Бгда преставленъ*

честнаго тела твоего бысть, тогда множайшем и братьямъ оступльшим одръ твой, ѱвы мнѣ, мнѣ не сущу тѹ. Не сподовихса послѣдняго ти целованна и конечнаго прощенна, ѱвы мнѣ, мнѣ не сущу тѹ“ [ЖСтП, 240]. Епифаний сокрушается, что не выполнил положенных в таких случаях обрядовых действий.

Дальше экспрессивное воздыхание „ѱвы мнѣ!“ выносится в начало каждого суждения и принимает форму анафоры. Ритм меняется. Духовная скорбь усиливается с очередным периодом: „ѱвы мнѣ! Бых когачь грѣхи и лишеньи и стѹдных дѣлъ исполнихса <...> ѱвы мнѣ! Кто ми пламень угасит, кто ми тачу проскѣтити? <...> ѱвы мнѣ! Како скончаю мое житье, как преплову се море великое и пространное? <...> ѱвы мнѣ! Болнѹтася посредѣ пѹчины житийскаго моря, и како постигну в тишину ѱмилениа и како дойдѹ в пристанище покаянна?“ [ЖСтП, 242]. Анафора выступает своеобразным заглавием нового периода и, в то же время, средством связи в их длинном ряду. В данном фрагменте эпифорический и анафорический ритмы составляют единую комбинацию, в которой агиограф меняет способности межфразового соединения всего одним словосочетанием.

Для произведений, упорядоченных „плетением словес“, характерен такой вид литературного изложения, при котором наблюдается неограниченный повтор лексических и/или синтаксических единиц. Формы повторений обуславливают многообразие приемов ритмизации. Варьирование же ритмами сказывается на интенсивности темпа изложения — скорости перехода от одного логически завершеного фрагмента текста к следующему.

В риторических сочинениях, изложенных в форме рассуждения, четко просматривается *динамичный рассудительный* темп, амплитуда которого колеблется от резко замедленного до повышено ускоренного. Разумеется, такой темп активизирует эмоциональное восприятие слушателей. Более того, с его помощью автор контролирует нужный ему пафос читательской реакции, в зависимости от конкретных задач прославления святого прибегая то к сниженному, то к быстрому темпам изложения.

Замедление достигается благодаря „укреплению“ некой ключевой мысли цитатами (прием цитатного „расширения“ или „распространения“ принято называть амплификацией). Амплификация помогает панегиристам сосредоточить внимание реципиента на важных идеях, требующих, с их точки зрения, более тщательного рассмотрения.

Так, например, в ЖСтП Епифаний Премудрый пытается точно охарактеризовать напряжение в тот момент, когда язычники готовятся сжечь св. Стефана, и передает размышление последнего, сотканное из

нескольких десятков библейских выражений. Причем всякая последующая фраза тождественна по смыслу предыдущей. Задав тон переживания выдержкой из Псалтыря „вси языци, объшедише, обидоша мѧ, како пчелы сотъ, и разгорѣшасѧ, како огонь в терни, именовъ Господнимъ противляхсѧ им (Пс. 117, 10–12)“, агиограф далее не развивает заявленную мысль, а беспрерывно „множит“ её строчками псалмов, воплощающих то же самое суждение — „Господи, поспеши мне на помощь, ибо я в опасности“. В итоге, динамика рассуждения заметно ослабляется. Приближаясь к нулевому, сниженный темп замедляет и как бы останавливает изложение.

Такая „безмерная“ амплификация, или „нагнетание цитат“ [2, 507], по удачному замечанию О. Ф. Коноваловой, предоставляет оратору неограниченные возможности удерживания внимания слушателей. Побуждая аудиторию глубоко проникнуться какой-то значимой ситуацией в подвижничестве святого, книжник „замирает“ и долго раздумывает над ней, повторяя одну и ту же мысль разными формулировками.

Темп изложения замедляется, как правило, при отсутствии какого бы то ни было четко выраженного ритма, а повышается — при его доминировании в организации текстового фрагмента. Неизменными признаками ускорения выступают: использование простых (неразвернутых) субъектно-определятельных конструкций, построенных по типу „nominative — accusative“, „nominative — adjective“ и др., а также обязательное сохранение сочинительно-соединительной связи между ними.

В этом отношении показательна похвала св. Сергию, завершающая ЖСР. В ней Епифаний Премудрый пытается установить роль радонежского игумена в духовной жизни всех его учеников. При этом книжник „сплетает“ вереницу однотипных словосочетаний, построенных по модели „кому — кто“: „...ѿцадѧ отецъ и оучителемъ оучитель, наказатель воздеиъ, пастыремъ пастырь, игоуменовъ наставникъ, мнихомъ начальникъ, монастыремъ строитель, постникомъ похвала, мѧчальникомъ оудобрѣнїе, иеремъ красота...“ [ЖСР, 148]. Не конкретизируя в подробностях, агиограф только называет подвижнические качества святого. Темп изложения ускоряется благодаря сочинительному соединению простых колонов в длинной цепи. В свете данного убыстрения по-особому воспринимается и „тугой“ тавтологический ритм (синтагмы типа „пастыремъ пастырь“). Он придает высказыванию своеобразную упругость, при которой некоторые обороты крепко „вяжутся“ не только между собой, но и внутри себя.

Темп изложения повышается также в рядах вопросительных и восклицательных конструкций, достаточно экспрессивных по своему значению и тональности. В средневековом торжественном панегирике это

один из неотъемлемых компонентов риторической выразительности. Книжники прибегают к нему в ситуации чрезмерного эмоционального возбуждения, желая „зарядить“ им свою аудиторию.

Вот как в НК Григорий Цамблак вызывает скорбное состояние у слушателей в связи с преставлением митрополита Киприана: „Гдѣ око небесное зрящее, еже томъ дарова Богъ въ пустыни еще свщъ? Гдѣ вохо, божественаго гласа пославшающее? Гдѣ языкъ онъ истинный, іеретикомъ страшный? Гдѣ сладкаа вчина тишина? Гдѣ встани свѣтлое склаленіе, благословленіемъ гавлаемое? Гдѣ десница много благословляемаа?..“ [НК, 92—94]. Всякий раз опечаленный книжник спрашивает о другом члене тела святого, при жизни поучествовавшем в подвижничестве, а теперь почивающем. Здесь рассуждение ускоряется за счет напластования большого количества однотипных предложений, объединенных вопрошающей интонацией на всем протяжении текстового фрагмента.

В подобных риторических „нагромождениях“ академик В. Н. Топоров видит „сгущение вопросительного пространства“ [5, 644]. Очерчивая мелкими вопросами один объемный и оттого не сформулированный вопрос, автор не только указывает на его значимость в контексте всего рассуждения, но и поддерживает ритмичность изложения.

Аналогичный по структуре и свойствам прием «сгущения» усматривается и в рядах восклицаний. Иногда вопросительные и восклицательные возгласы интонационно согласуются. Тогда очевиднее становится неизъяснимость душевного состояния панегириста, в поисках адекватного выражения приводящего сразу несколько фраз. В том же НК Григорий Цамблак передает собственную горечь от потери наставника целой вереницей восклицательных вопросов повышенной эмоциональности: „Како языкъ повждѣ къ славенію словъ, такоже чѣкыли тяжкыли оковани бѣдою окованны?! Како шверзв оуста, безгласнемъ содръжимаа?! Како же ли взрю душевными вчина, тьмою бѣды покровен?!..“ [НК, 100]. Со смертью учителя, ученик не находит себе места и возглашает о невыносимости переживаемой им утраты.

Как видим, важной закономерностью при „сгущении“ вопросительного либо восклицательного пространства является употребление анафорического ритма. Это заметно и в ЖСР, в котором Епифаний призывает помнить деяния троицкого игумена, горячо восклицая: „Да не забвено боудеть житіе святаго тихое и кроткое и незлобное, да не забвено боудеть житіе его честное и непорочное и безматеежное, да не забвено боудеть житіе его добродѣтельное и чудное и пріезищное, да не забвены боудутъ линогыа его добродѣтели и великаа исправленіа...“ [ЖСР, 153]. Здесь убыстрение рассуждения достигается благодаря „плетению“ типичных пред-

ложений с одним и тем же анафорическим предикатом, к которому каждый раз примыкает очередной новый субъект.

Можно с большой долей уверенности предположить, что и ослабление, и усиление динамики авторского рассуждения служат эффективными способами *невербальной аргументации* в прославляющем панегирике. Замедляя темп изложения, книжник убеждает слушателя путем привлечения его внимания к не вполне очевидному, но принципиально значимому утверждению. При повышении темпа — уверяет посредством стремительного перехода от одной мысли к другой, означающего оперирование неоспоримыми соображениями, которые не требуют дополнительных пояснений. В убеждающем рассуждении повышенный и ускоренный темпы согласуются как крайние точки, определяющие верхний и нижний пределы авторской маневренности. В соответствии с конкретными задачами прославления святого панегирист или длительно „призадумывается“ над какой-то важной идеей, или „скользит“ по материалу, быстро нанизывая свои наблюдения.

Следовательно, в проанализированных нами сочинениях „плетение словес“ является риторической технологией упорядочивания литературного высказывания. Порядок устанавливают многочисленные приемы ритмизации, обусловленные локальными целями автора в формировании читательского пафоса. Именно с этой целью книжник без конца прибегает к различного рода повторам, паузам, сгущениям и пр.

Несомненной особенностью „плетенного“ упорядочивания является его *формосозидательная способность*. Повторение выделенных элементов внутри колона порождает тавтологические конструкции, подчеркивающие весомость той или иной мысли фрагмента. А повторение внутри периода и между периодами — противоположные по динамике темпы изложения, позволяющие автору при необходимости менять способы аргументации.

Заложенная в „плетении словес“ потенция к формосозиданию позволяет объяснить некоторые принципы организации литературного высказывания в славянских панегириках рассматриваемого периода. В организации изложения четко просматриваются три композиционные стадии. Первая — ритмизация, упорядочивающая высказывание с помощью всевозможного рода повторов. Вторая — придание ритмичному изложению определенного темпа. Третья — наделение замедляемого либо ускоряемого высказывания четкой формой — рассуждением, отличающим его в ряду других (например, повествования или описания) по критериям ритмичности и интенсивности темпа.

ИСТОЧНИКИ

- Житие и жизнь и мало исповедание от чудес иже въ святыхъ отца нашего Петра, архиепископа Киевскаго и всея Руси** // Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. — Л.: Наука, 1978. — С. 205—215.
- Житие и подвизи преподобнаго отца нашего игумена Кирила** // Подг. текста и комм. Е. Г. Водолазкина, перев. Е. Г. Водолазкина и Г. М. Прохорова // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. Изд. 2. — СПб.: Глаголь, 1994. — С. 50—167.
- Житіє преподобнаго и вогоноснаго отца нашего игумена Сергія чудотворца** / Сообщил архим. Леонид // Памятники древней славянской письменности. — М., 1885. — Т. 50. — С. 5—165.
- Надгробное иже во святыхъ по истиннѣ Кипріянь, архієпископъ російскомуу** // Дончева-Панайотова Н. Слово то на Григорій Цамблак за митрополит Киприан. — Велико Търново: ПИК, 1995. — С. 76 — 108.
- Похвальное слово Константину и Елене** // Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375 — 1393) / Nach den besten Handschriften herausgegeben von E. Kalužniacki. — Wien, 1901. — P. 103 — 104.
- Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, вывшего в Перми епископа** / Подг. текста Т. Ф. Волковой, О. Б. Рыбаковой; перев. Г. М. Прохорова // Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления. — СПб.: Глаголь, 1995. — С. 50 — 263.

ЛИТЕРАТУРА

- Герцман Е. В.** Византийское музыкознание. — Л.: Музыка, 1988, с. 256.
- Коновалова О. Ф.** Конструктивное и стилистическое применение цитат в „Житии Стефана Пермского“, написанном Епифанием Премудрым // Zeitschrift für Slawistik. — München, 1979. — Bd. 24, H. 4, S. 500—509.
- Пиккио Риккардо.** Об изоколических структурах в литературе православных славян // Пиккио Риккардо. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; предис. В. В. Калугина, перев. с итал. И. Миляевой. — М.: Знак, 2003. с. 543—592.
- Пиккио Риккардо.** „Плетение словес“ и литературные стили православных славян в позднем Средневековье // Пиккио Риккардо. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; предис. В. В. Калугина, перев. с итал. И. Миляевой. — М.: Знак, 2003, с. 633—656.

Топоров В. Н. Жизненное дело Сергия Радонежского // Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2-х т.т. — М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. Три века христианства на Руси (XII—XIV века). — С. 303—793.